

части Повести охватывают огромный хронологический период и не поддаются точной датировке. Однако конкретизация исторического фона этой части Повести не повлияла на ее изложение, которое остается столь же фантастическим, как и во второй части. Полемический же пыл составителя Повести явно спадает, и реалистических деталей в описании отдельных эпизодов здесь значительно меньше. Из-за этого еще больше на первый план выступают образы, приемы и штампы агиографической литературы, что делает эту часть Повести наиболее „елейной“ (в этой части, например, много плачей: долго плачет патриарх после своего видения; узнав о причине его плача, заплакали и все присутствующие). Но лишь только речь заходит о Русской земле (когда Сильвестр велит отослать клобук в Новгород), составитель Повести в том же запасе выразительных средств агиографической и церковно-полемической литературы находит образы и приемы, которые дают ему возможность с большой патетичностью высказать свои патриотические чувства, сделать заключительный эпизод этой части кульминационным моментом всей Повести. Об идейно-политическом значении этого эпизода мы будем говорить подробно в дальнейшем.

Четвертая, заключительная часть Повести переносит нас на Русь, в Новгород XIV века. Как и каждая из предыдущих частей, она начинается именем лица, с которым связаны события этой части. На сей раз это знаменитый новгородский „владыка“, прославленный администратор и градостроитель, путешественник, полемист и писатель — архиепископ Василий (1330—1352). Личность и дела этого, несомненно выдающегося, русского деятеля XIV века достаточно хорошо освещены как в дореволюционной, так и в современной исторической литературе,¹ и мы не будем давать его подробной характеристики. Отметим лишь огромную популярность его среди современников. В 1-й Новгородской летописи, очень скупой, как известно, не только на похвалы, но и вообще на характеристики исторических лиц, Василию отведено значительное место: говорится, что епископом избран был он, простой приходский священник, потому, что его „возлюбил весь град от мала до велика“, подробно описывается его градостроительство, и на первый план выдвинута его роль примирителя внутренних междоусобиц, его умная и дальновидная политика по отношению к Москве.² Последнее было отмечено и московским правительством: митрополит Феогност пожаловал Василию невиданную до сих пор на Руси награду — „крестчатые ризы“, что единогласно свидетельствуется всеми летописцами. Вокруг имени архиепископа Василия очень рано стали слагаться легенды (еще в 1-й Новгородской летописи говорится о явлении среди бела дня звезды во время его хиротонии), и одной из этих легенд было предание о присылке ему из Константинополя особого головного убора — белого клобука; литературную обработку этого предания представляет собой заключительная часть нашей Повести.

На первый взгляд эта обработка сделана по всем правилам агиографической литературы: в самом начале архиепископ Василий аттестуется как „муж праведный, постничеством и всеми добродетелями украшен“ (тем же штампом был уже аттестован патриарх Филофей); он так же,

¹ Архиепископ Василий обычно фигурирует в курсах и отдельных работах по русской истории вообще и по истории древнерусской литературы в частности как усердный строитель новгородских церквей, Волховского моста, крепостей (он был, например, строителем первой каменной стены вокруг новгородского детинца) и как автор знаменитого послания о „земном рае“.

² ПСРЛ, т. II, стр. 75—78, 80—81, 82—85.